

Звезда лекций

Ирина Лукьянова

**Экспресс-курс по русской
литературе. Все самое важное**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 811.161.1.09
ББК 83.3(2Рос)

Лукьянова И. В.

Экспресс-курс по русской литературе. Все самое важное /
И. В. Лукьянова — «Издательство АСТ», 2021 — (Звезда лекций)

ISBN 978-5-17-116487-4

Охватывающий несколько эпох рассказ о русской литературе может быть увлекательным! Ирина Лукьянова, прозаик, поэт, филолог, автор биографий в серии «Жизнь замечательных людей», приглашает в интересное путешествие по русской литературе от Древней Руси до XX века. С любовью к истории и к слову; искрометно, живо, «с подлинным драматургическим мастерством» рассказывает автор не только о всем известной классике, которую из года в год по неизменной программе повторяют за школьными партами, но и о произведениях, и писателях, оставшихся за полями учебника. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 811.161.1.09

ББК 83.3(2Рос)

ISBN 978-5-17-116487-4

© Лукьянова И. В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Вступительное слово	6
Предисловие	8
Древнерусская литература: рождение и детство	9
В начале было Слово	9
Мы есть	11
Кто мы	12
Наши корни	13
Наши святые	15
Наши правила	17
Мы в мире	19
Мы воюем	20
Открытие эмоций	23
Новое открытие мира	26
Вместо Возрождения	27
XVII век: сложный человек в сложном мире	29
Я – личность	29
В новом сложном мире	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Лукьянова
Экспресс-курс по русской литературе.
Все самое важное: XII–XIX вв

© Лукьянова, Ирина, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Вступительное слово

Ирина Лукьянова – известный поэт, прозаик и филолог, но я всегда был лишен возможности хвалить ее публично, поскольку двадцать лет мы прожили в браке и воспитали двух детей. Зато все синяки и шишки, которые навлекало родство со мной, сыпались на нее исправно, и защитить ее от этого я никак не мог.

Тем не менее теперь Лукьянова сделала вещь настолько значительную, что никакая моя пристрастность не сможет ее преувеличить: она написала первый внеидеологический курс русской литературы, курс, в котором прослеживаются не превращения формаций, не смена литературных школ, а то, что Елена Стишова называет самодвижением. Возникновение новых жанров, отмеченные формалистами чередования мейнстримных и маргинальных литературных форм, взаимное обогащение театра и поэзии, взаимные влияния церковной и светской традиций – все рассмотрено в едином потоке времени, в тесной связи с историей, но без того угрюмого социального детерминизма, от которого мы столько натерпелись в советские годы. История русской литературы, рассмотренная вне вечного конфликта западников и славянофилов (его искусственность была провидчески описана еще Гоголем в «Выбранных местах»), давно была насущно необходима не только учителю, но прежде всего вдумчивому ученику. Литература есть эволюция – недаром Тынянов постоянно подчеркивал ее динамическую, вечно неустойчивую природу. Учебник Лукьяновой – а эта книга станет популярным и живо обсуждаемым учебным пособием, – впервые за многие годы рассматривает историю русской литературы как целостный процесс, и хотя у нас есть, например, прекрасные учебники Игоря Сухих – Лукьянова впервые отважилась рассмотреть не золотой и серебряный века, а десять веков отечественной словесности. Оказалось, что проблемы, которые волновали ее, за эти десять веков никуда не делись. Поставить рядом с этой книгой, необыкновенно внятной и компактной, можно только трехтомник Александра Янова «Россия и Европа». Но Янов рассматривает именно историю «русской идеи» – Лукьянова же развивает тезис о том, что русская литература и есть наша подлинная национальная идея, и она не нуждается ни в каких искусственно раздуваемых милитаристских культах.

Эта книга вместила огромное количество информации, но любой школьник легко ее усвоит, поскольку изложена она системно, с той единственной точки зрения, которая вообще приемлема для истории литературы: развитие формы, ее усложнение, постепенное умножение функций художественного текста, превращение литературы в единственное подлинное зеркало национальной жизни. При этом Лукьянова рассматривает русскую литературу в общеевропейском контексте, отмечая параллели, отставания, опережения, взаимные влияния и переключки. Рискну сказать, что традиционно пробегаемые и пролистываемые периоды – первые пятьсот лет русского литературного развития – у нее изложены особенно увлекательно, а литературная борьба XVIII века, когда все только закладывается, – выписана с подлинным драматургическим мастерством. Я узнаю здесь школу Новосибирского университета, традиционно внимательного к фольклору и житиям, и вспоминаю атмосферу новосибирских научных чтений, куда стремились филологи со всей страны. Глубокая погруженность в религиозную жизнь и атмосферу богословских дискуссий тоже сослужила Лукьяновой отличную службу – как и участие в фольклорных экспедициях, необходимый этап воспитания филолога. В общем, эта книга – результат тридцати лет жизни в литературе, но при этом в ней ощущается тот же детский восторг перед чудом художественного дара, который автор испытал при чтении первых дошкольных книжек. Я прочел эту книгу с самым живым интересом, временами привычно полемизируя с Лукьяновой (как тут не вспомнить любимое – «После длинного ряда таких и подобных столкновений случайно родилось дитя»), но ни секунды не скучая и постоянно восхищаясь тем, что ничто из главного, действительно существенного, не забыто. Печалит меня

одно – что эта книга, возможно, заслонит собственные лукьяновские стихи и прозу, которые я люблю гораздо больше всех ее научных изысканий. Товарищи! Она прекрасно знает чужое, но гораздо лучше пишет свое.

Дмитрий Быков

Предисловие

Школьный курс русской литературы строится обычно по персоналиям: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский... И по произведениям: «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души»... Конечно, сейчас не обязательно ограничиваться школьным курсом литературы: можно слушать лекции, их очень много – но и лучшие лекторы тоже рассказывают или о писателе, или о конкретной книге. Реже – о литературной группировке, литературном обществе, может быть, даже о направлении.

Но даже у любящего русскую литературу читателя чаще всего возникает удивительное представление о ней: сначала было «Слово о полку Игореве», потом несколько веков темноты, когда писали что-то непонятное на языке, который невозможно прочитать. Потом из темноты вынырнул Ломоносов, за ним появился Державин. Державин родил Пушкина, Пушкин – Лермонтова, Лермонтов – Гоголя. Классицизм родил сентиментализм, сентиментализм родил романтизм, романтизм родил реализм...

Но ведь история литературы не прыгает с кочки на кочку, она течет непрерывно. Литература, как живое существо, рождается, взрослеет, живет и умирает. У литературы бывает детство, юность и старость. История литературы – долгая жизнь, полная влюбленностей, разочарований, заблуждений. В ней могут быть периоды взлетов и периоды молчания.

Однако связный курс истории литературы появляется только на филфаке университета. Те, кто не читал университетских учебников, должны сами складывать в голове пазл из множества кусочков.

В этой книге я попробую представить русскую литературу как поток, а не как дорогу с кочки на кочку. Рассказать, как она жила: как родилась, каким было ее детство, как она задумывалась над самыми главными вопросами человеческого бытия и своего собственного существования. Чему и как она училась, о чем спорили писатели, поэты и критики в разные времена, что было главным содержанием разных литературных эпох.

Для кого эта книга? Для старшеклассников, которые хотят понять литературный и исторический контекст тех произведений, которые изучаются в школе, но засыпают над вузовским учебником истории литературы. Для студентов нефилологических специальностей. Для взрослых читателей, которые любят читать, но искренне недоумевают, «существует ли вообще древнерусская литература», «почему эта школьная классика такая мрачная» и «как вообще можно читать тексты восемнадцатого века».

Книга рассчитана на читателя, который одолел основные произведения школьной программы, – того, которому не нужен краткий пересказ «Мертвых душ» или «Жития Петра и Февронии Муромских», которого не нужно знакомить с Тургеневым и Толстым. Я стараюсь не повторять то, о чем говорят на уроках литературы. Пожалуй, не стоит ожидать от этой книги и филологических открытий, радикально смелых концепций. Хотя к самой идее, что у литературы есть детство, зрелость и старость, очень легко придраться – а может быть, и нужно это делать: именно так появляются более удачные концепции.

Итак, жила-была русская литература.

Древнерусская литература: рождение и детство

В начале было Слово

Слова «древнерусская литература» вызывают у многих сегодняшних школьников и студентов приступы ужаса или зевоты. Кажется, это что-то невероятно тоскливое, непонятное, однообразное. Школа не очень помогает разобраться – и в конце концов у взрослого современного человека складывается впечатление, что вся русская литература началась если не с Пушкина, то с Ломоносова, а до Ломоносова была какая-то летопись, в которой княгиня Ольга жгла древлян, да еще «Слово о полку Игореве». Кто интересуется конспирологией – еще вспомнят о теории поддельности «Слова о полку». А между «Словом о полку» и Ломоносовым – белое пятно, пустота, ноль.

А на самом деле там – цветная, живая, интересная и очень своеобразная литература. Конечно, сегодня мало кто из нефилологов будет читать древнерусские книги, как мы читаем книги сегодняшние или классические романы: уж очень тяжело пробираться сквозь язык, реалии, богословские рассуждения. Но, может быть, стоит хотя бы в них заглянуть? Просто чтобы вместо пустоты на этом месте появилась жизнь.

А чтобы появилась литература, нужна письменность. То, что бытует в устной традиции, – это все-таки фольклор. Часто древнерусской литературой считают «всякие там былины». Но былины принадлежат к устной фольклорной традиции, хотя и складывались в те же Средние века, когда появилась и стала развиваться древнерусская литература.

Есть много околонуточных мифов о дохристианской письменности древних славян. Но существующих научных фактов недостаточно, чтобы утверждать, что до появления христианства на Руси в самом деле была своя система письменности. Некоторые люди искренне считают древнейшим письменным памятником дохристианской эпохи языческую «Велесову книгу», которую ее публикатор датировал IX веком, но – ученые практически единогласно называют эту книгу грубой фальшивкой.

Письменность пришла на Русь вместе с христианством, после того, как князь Владимир крестил ее. У нового христианского народа сразу появилась необходимость в богослужебных и вероучительных книгах. Эти книги существовали на старославянском языке: славянские народы Южной Европы приняли христианство раньше, чем Древняя Русь.

Различия между славянскими языками еще были невелики, и старославянский язык стал общим для всего восточного христианства. К древнерусскому он был так близок, что книги на нем были понятны древнерусским читателям без перевода.

Старославянский язык – литературный язык, основанный на диалекте южных славян – древних болгар и македонцев. Именно этим диалектом славянского языка владели жители греческой Солуни (это нынешние Салоники) Кирилл и Мефодий, создатели славянского алфавита. Именно на него они перевели с греческого богослужебные книги.

И тем не менее в первые же годы распространения христианства на Руси возникла острая необходимость в переводчиках: Русь приняла христианство от Византии, где говорили и писали по-гречески. Поэтому уже при князе Ярославле Мудром, сыне князя Владимира, в монастырях стали создаваться школы для переводчиков и переписчиков и скриптории – мастерские, где работали переписчики книг.

Первая школа открылась в 1028 году в Новгороде. В нее приняли 300 детей священников и старост.

Переводили не только богослужебные книги, жития святых и поучения Отцов Церкви, но и хроники, естественно-научные трактаты, исторические повести и многое другое. В круг чтения грамотного древнерусского человека входили в первую очередь переводные книги. Среди них были патерики, апокрифы, исторические хроники (например, «Хроника Георгия Амартола» – история человечества от Сотворения мира до IX века). С удовольствием читали трактаты о том, как устроен мир («Хронограф» Косьмы Индикоплова, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского); историческую повесть «Александрия», которая изначально описывала жизнь и походы Александра Македонского, но вобрала в себя столько фольклорных элементов, что стала читаться как фантастический роман. Например, в «Александрии» рассказывается о встрече войска Александра с шестирукими людьми и людьми с собачьими головами; о морских раках, которые крали у Александрова войска и утаскивали в море коней; да и сам Александр в этом повествовании – сын вовсе не Филиппа Македонского, а египетского царя и волшебника Нектанава.

Патерик – свод жизнеописаний монахов, живших в определенном месте. В патерике рассказывается об искушениях, которым они подвергаются, подвигах веры, которые они совершают, явленных им знамениях и совершенных ими чудесах.

Апокриф – более подробный, чем в канонических библейских книгах, рассказ о каком-то библейском событии или персонаже, не входящий в канон (то есть список книг, которые та или иная религия или конфессия считает священными). Несколько рискованным, но по сути верным будет сравнение апокрифа с сегодняшними фанфиками – историями, которые пишутся тоже на основе какого-то «канона» и часто даже с сохранением его духа. Некоторые апокрифы содержали изложение учений, которые Церковь признала еретическими.

Шестоднев – естественно-научный трактат, где доступные автору научные сведения изложены в привязке к одному из шести дней творения: например, ботанические – в третий день, когда, согласно Книге Бытия, была создана растительность, астрономические – в четвертый день, когда были созданы Луна, Солнце и звезды, а сведения о животных – в шестой день. В «Шестодневе» можно было прочесть не только об обычных животных, но и о двухголовой змее амфисбене, о мравольве, василиске, фениксе и других фантастических существах – в те времена они считались реально существующими.

Мы есть

Первое, что ребенок узнает про себя, первое, что рассказывает другим – меня зовут Миша, я мальчик, у меня мама Оля и папа Саша, я живу там-то. И первые шаги русской литературы – рассказать про себя, объяснить всему миру: мы – есть. Вот мы, Русь, мы существуем, мы большая христианская страна. Вот где истоки нашего народа, вот кто наши отцы, вот где мы живем. Об этом – самые древние произведения русской литературы.

Кто мы

Повесть временных лет, написанная в начале XII века, начинается с библейской истории о том, как сыновья Ноя после потопа поделили землю: Симеону достался восток, Хаму – юг, а Иафету – северо-запад. После Вавилонского столпотворения, рассказывает автор летописи, когда Бог смешал языки и образовались разные народы, от сынов Иафета пошли норики, они же славяне. Славяне расселились по Дунаю, затем разошлись по земле, осели на берегах восточно-европейских рек и озер, основали города Киев, Новгород, Смоленск. Так автор последовательно отделяет свой народ сначала от других славянских народов – чехов, поляков, сербов, хорватов. Потом выделяет географически близкие славянские племена: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне. И вот, наконец, это мы – и это наша история: вот что мы слышали от отцов и дедов, вот как все началось: как основали Киев, как князь Олег ходил на Царьград, как крестилась княгиня Ольга, а затем князь Владимир крестил Русь. Вот что мы знаем о недавних временах: о князьях, которые правили Русью после Владимира, о войнах, которые вела Русь, о врагах, от которых защищалась, о храбрых воинах. Заканчивается рассказ на 1115 году – видимо, здесь уже современность, дальше которой автор заглянуть не может.

Наши корни

Подробный рассказ о крещении княгини Ольги и Крещении Руси князем Владимиром содержится в одном из древнейших произведений древнерусской литературы, которое называется **«Память и похвала князю русскому Владимиру»**. Оно даже старше «Повести временных лет».

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона – самый древний из известных нам оригинальных, а не переводных памятников древнерусской литературы. Это речь, которую митрополит Иларион написал и, вероятно, произнес в присутствии князя Ярослава и его второй жены, шведской принцессы Ингигерды (в крещении Ирины), между 1037-м и 1051 годами, в храме при большом стечении народа. Ученые расходятся во мнении по поводу того, в каком храме речь была произнесена, – возможно, это был киевский храм Св. Софии.

«Слово» как жанр – образец торжественного красноречия; текст рассчитан на произнесение вслух, и чтение его вслух должно занять не более часа.

С Крещения Руси прошло несколько десятилетий. Русь – совсем молодая христианская страна. Но автор «Слова о законе и благодати» – человек образованный, не только хорошо знающий православное учение, но и отлично освоивший лучшие образцы византийской риторики. Он строит свою непростую по содержанию и нелегкую для восприятия на слух, длинную речь так, чтобы помочь слушателям как следует уложить в голове ее логические блоки.

Надо еще сказать, что сама тема, которую митрополит Иларион избрал для своей речи, с тех пор проходит сквозь всю русскую литературу – и если мы заглянем в Пушкина, Толстого, Достоевского, – мы и у них увидим христианскую мысль о торжестве милосердия, прощения, великодушия – одним словом, благодати – над суровой справедливостью закона.

Как же справляется со своей трудной задачей митрополит Иларион? Он строит часть своей речи на противопоставлениях: закон противопоставляется благодати, Ветхий Завет – Новому, рабство – свободе; земное – небесному. И всякий раз показывает слушателям: мы здесь, вот на этой стороне, где свобода, спасение, благодать.

Когда он рассказывает о двоякой, Божественной и человеческой, природе Христа, – выстраивает предложения так, чтобы слушатели легко восприняли эту двойственность:

«...Как человек, Он питался материнским молоком, – но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: «Слава в вышних Богу»;

как человек, Он был повит пеленами, – но, как Бог, звездою путеводил волхвов;

как человек, Он возлежал в яслях, – но, как Бог, принял от волхвов дары и поклонение;

как человек, Он бежал в Египет, – но, как Богу, поклонились Ему рукотворения египетские...»¹.

Те, кто хорошо учился в школе, сразу вспомнят, что этот прием называется синтаксическим параллелизмом. Митрополит Иларион часто им пользуется. Вот, например, как он рассказывает: мы теперь не язычники, а христиане. А значит:

«...И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами,
не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную.
И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы созидаем;

---

¹ Перевод диакона Андрея Юрченко. Здесь и далее тексты приводятся по электронным публикациям Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Библиотека древнерусской литературы) <http://lib.pushkinskijdom.ru>

уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу.

И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую Кровь Христову вкушая, спасаемся».

Блок за блоком, словесный кирпичик за кирпичиком, он укладывает в сознание своих слушателей основы православной веры и помогает им укрепиться в понимании: мы – мы теперь здесь, на стороне христианства, благодати, со всеми народами, которые видят свет вечной жизни. Мы тоже христиане, нам есть чем гордиться. У нас теперь – свои большие храмы, свои святые, свои монастыри – мы есть! У нас есть князь Владимир, который нас крестил, как апостолы крестили другие земли.

Все народы чтят своих учителей и просветителей – «Восхвалим же и мы – по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами – свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря и сына славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых воспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правили они не в безвестной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Еще один прием красноречия, которым пользуется митрополит Иларион, чтобы не только логически убеждать слушателей, но и зацепить их, заставить их сердца загореться сочувствием, радостью и гордостью за князя Владимира, – это серия риторических вопросов, которые обращены к покойному князю: «Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и свою нищетою и наготою, голодом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают. Не видел всего этого, как же уверовал?»

И в самом деле – как? – удивляются слушатели. Божьим чудом, – уверяет их оратор и взывает к князю: восстань, ты не умер, посмотри из гроба – на сына своего, на сноху, на внуков и правнуков, на свой город, на церкви – и возблагодари Бога!

И заканчивает свое «Слово» он торжественной кодой – вдохновенной благодарностью Богу.

Наши святые

Если мы новый христианский народ (и народ, который хочет быть самостоятельным, не зависимым от Византии) – значит, у нас должны быть не только свои храмы и монастыри, но и свои святые. Но для того, чтобы канонизировать святого, должно быть составлено его житие. А значит, появляются первые жития: Житие Бориса и Глеба – князей, убитых по наущению их брата, Святополка, Житие Феодосия Печерского, одного из основателей Киево-Печерской лавры. Св. страстотерпцы Борис и Глеб – первые канонизированные и признанные Византией русские святые; преподобный Феодосий Печерский был канонизирован следующим, даже раньше, чем его учитель, преподобный Антоний Печерский.

Житие – особый жанр церковной литературы, в котором рассказывается история жизни праведника, подвижника, мученика, святого. Это жизнеописание всегда составлялось после смерти человека и содержало сведения о его подвигах веры, чудесах, знамениях.

Постепенно житий становилось все больше, и их стали объединять в своды, которые назывались Четьи-Минеи (то есть «ежемесячное чтение»: жития расположены там по дням, когда церковь отмечает память святых, а дни идут в календарном порядке).

В древнерусской литературе авторов житий обычно интересуют не индивидуальные качества их героев, а воплощенная в них святость. Первые русские жития еще сохраняют индивидуальность героев: мы видим кротость и эмоциональность князя Бориса, суровость и строгость преподобного Авраамия Смоленского... Но постепенно общие качества берут верх над индивидуальностью – и уж если святой свят, то он, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «свят до полной абстрактности» – он не земной человек со своим характером, а воплощенная святость. Воин – само мужество, древнерусская литература обязательно заметит, что воин даже ран не чувствует в пылу сражения. Князь, если уж он благоверный, правит мудро, защищает вдов и сирот, поступает по совести, строит храмы, не обижает бедных, а в трудной ситуации полагается на Господню волю. Если его канонизируют и прославляют – то за это, а не за внешнеполитические успехи, например.

Это еще одно важное качество древнерусской литературы: в ней еще нет индивидуального начала. Она еще не открыла характера, личности. Герой изображается так, как предписывается литературным этикетом: существуют специальные правила и даже специальные языковые формулы для изображения святого, князя, княгини, врагов. Герои получают условными, воплощающими или добродетель, или порок. И это нормально для детства литературы – а Средневековье для большинства европейских литератур – это именно детство.

В книжках для маленьких детей добро есть добро, а зло есть зло, они однозначны и понятны. Так и в средневековой литературе: человек сам выбирает, по добру или по злу поступать, поэтому праведник добр, а грешник зол, но еще может раскаяться. Позднее грешникам даже приписывали дополнительные грехи (например, позднейшие вставки в «Повесть временных лет» подчеркивали, что князь Владимир, креститель Руси, был исключительно женолюбив – совершенно как библейский царь Соломон, – чтобы еще заметнее был контраст с новым Владимиром, в крещении Василием, который стал свободен от прежних грехов и возлюбил добродетель).

В древнерусской литературе еще практически нет автора. Этикет предписывал автору самоуничижение: он умаливает себя, чтобы возвеличить важность того, о чем рассказывает. А тексты, существовавшие без указания автора, позднее могли приписать кому-то из Отцов Церкви, например Иоанну Златоусту. Понятия «авторское право», «плагиат», «заимствование», «цитирование» появятся через много столетий: сейчас автор (даже не всегда автор –

часто составитель) нового текста опирается на известные ему образцы, берет из них все, что соответствует его задаче.

Наши правила

Детство человека – время, когда ему задают нормы поведения и показывают примеры. Так и детство литературы – время моральных заповедей, поучений и образцов. Делай так, не делай этак – и будет все правильно и хорошо.

Поэтому жанр «поучения» – очень важный жанр. Князь Владимир Мономах в своем «Поучении» проповедует своим детям и внукам евангельские истины: «Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: “Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй”. И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, езда. Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей»². Это малая часть советов, которые князь Владимир, «сидя на санех» (сейчас бы сказали – стоя одной ногой в гробу), дает детям и их детям.

Ведите себя по-божески и по-человечески, завещает он, и все у вас будет хорошо.

Мир древнерусской литературы – особенно ее киевского периода, – как и детский мир, устойчив, стабилен и понятен. В нем ясно, где верх и низ, что хорошо и плохо. В нем нет вымысла: зачем выдумывать, если Господь и так все хорошо устроил, надо стремиться познать Его замысел. Выдумка – ложь, а ложь – от дьявола.

Как ребенок любит читать и перечитывать одну и ту же сказку много раз, так и древнерусская литература предпочитает предсказуемость новизне, привычность, традиционность – неожиданности. Все персонажи играют свои роли: князья правят и ходят в походы, княгини их ждут из походов и совершают богоугодные дела, святые молятся, по их молитвам происходят чудеса, воины воюют, грешники грешат и иногда потом раскаиваются... Все они – не столько живые люди, сколько условные персонажи, воплощенные роли. Но каждый из них сам выбирает вектор – к добру устремляться или ко злу, Богу служить или дьяволу.

Для писателя в Древней Руси его труд – очень ответственное занятие, форма служения Богу. Книга нужна, чтобы просвещать людей светом истины, исправлять сердца, давать хорошие примеры, а не отвлекать их вымыслом, не развлекать. Книгу пишут на века – на дорогом и прочном пергамене, над ней долго трудятся писцы; книга – почти священный предмет. Она должна воспитывать человека, быть поучительной, правильной. Когда писатель пишет, он следует самым высоким образцам, – он совершает свое служение, делает это так, как положено, как будто совершает давно заведенный обряд.

И конечно, в древнерусской литературе тоже есть свое высокое и низкое: именно сейчас в ней на века складывается иерархия чтения: на вершине – Священное Писание; ниже – труды Отцов Церкви, затем жития и патерики. Потом – апокрифы. И только потом – литература познавательного и светского характера: хроники, исторические повести, сборники есте-

---

² Перевод Д. С. Лихачева.

ственно-научных и этико-философских текстов. Особое место занимали жанры риторические: слова и поучения, которые, конечно, тоже носили назидательный характер.

Нет, разумеется, древним людям тоже было свойственно влюбляться, печалиться, радоваться, слушать занимательные небылицы – но для всего этого у них был фольклор: сказки, былины, песни, плачи, прибаутки. Кстати, юмора древнерусская литература была очень долго лишена: она была делом серьезным и не поощряла никакого смехотворства.

Мы в мире

При этом древнерусская культура открыта новым знаниям и впечатлениям – но в первую очередь таким, которые способны пролить на душу свет христианской веры, очистить от греха.

Уже первые тексты древнерусской литературы демонстрируют высокую образованность автора, их открытость миру книжной культуры: они опираются на византийскую традицию, которая основана на Священном Писании, с одной стороны, и сохраняет античное наследие – с другой. Отсюда – и богатый символизм, и развитые приемы ораторского искусства.

Древнерусская литература способна говорить о сложнейших материях, обсуждать глубокие философские вопросы, строить изысканные риторические конструкции, играть аллитерациями, нанизывать цепочки синонимов и антонимов.

Древнерусская культура не замкнута; человек живо интересуется другими странами, историей, устройством мира (удовлетворить этот читательский интерес призвана переводная литература, переводят в этот период много и охотно). Более того, люди и сами готовы совершать долгие и трудные путешествия и рассказывать о своих впечатлениях. Так рождается жанр хождений, или хожений (путешествия в самом деле по большей части были пешими), – рассказов о паломничествах в святые места, о посещении других стран.

Первое произведение в этом жанре – «Хождение» игумена Даниила, написанное в начале XII века: рассказ о трудном и опасном путешествии в Святую землю, которое он совершил между 1106 и 1108 годами. Игумен Даниил, человек образованный и наблюдательный, сообщает читателю множество интересных сведений: от того, как сейчас выглядит Гроб Господень, до того, что выращивают местные жители для пропитания: «Безводно то место: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только одна купель Силоамская. Но дождевой водой живут все люди и скоты в городе том. И хлеба хорошие рожатся около Иерусалима в камнях тех без дождя, но так, Божиим повелением и благоволением. Рожатся изрядно пшеница и ячмень: ведь, одну кадь посеяв, берут девяносто кадей, а другой раз сто кадей за одну кадь. Это ли не благословение Божие земле той святой! Много виноградников около Иерусалима и деревьев фруктовых многоплодных, смоков, шелковиц, маслин, рожков; и другие все различные деревья без числа по всей земле той растут»³.

Жанр хождений пользовался большой читательской любовью. Скорей всего, читать о путешествиях любили и в XII веке, но об этом трудно судить: списки рукописей сохранились только более позднего времени. Затем путешествия практически прекратились, став слишком опасными или вовсе невозможными из-за военных действий. И лишь через несколько веков читателям снова стали доступны истории о далеких странствиях.

---

³ Перевод Г. М. Прохорова.

Мы воюем

После смерти Владимира Мономаха в 1125 году Киевская Русь распалась на множество удельных княжеств. Киев перестал быть не только политическим, но и литературным центром: за столетие между смертью Владимира Мономаха и началом ордынского владычества в Киеве не появилось ни одного значимого литературного произведения, если не считать Киево-Печерского патерика и Киевской летописи. Зато в удельных княжествах наступает пора расцвета: их главные города – Владимир, Ростов, Суздаль, Смоленск, Галич, Полоцк, Чернигов – растут и хорошеют, в них строятся каменные церкви, которые украшают лучшие художники. В крупных городах появляется свое летописание – а со временем и своя литературная школа.

У каждой летописи – своя стилистика, свой характер: киевляне любят пышные славословия, особенно умершим князьям; владимирцы не упускают случая напомнить, как благословенна Владимирская земля, которой покровительствует образ Владимирской Божьей Матери, склонны к морализаторству и не устают восхвалять своих мудрых и благочестивых князей; новгородцы пишут просто, кратко и придерживаются сухих фактов.

Самым важным жанром сейчас становится повесть: очень много всего происходит в наступившие беспокойные времена, и важно сохранить память о событиях – а события эти, как замечала чуть позже Галицко-Волынская летопись, – «о бесчисленных ратях, и о великих деяниях, и о частых войнах, и о многих крамолах, и о частых восстаниях, и о многих мятежах»⁴.

Главы удельных княжеств состояли в родстве друг с другом, однако постоянно оспаривали друг у друга наследство, претендовали на уделы друг друга и нередко обращались к помощи степного кочевого народа – половцев, чтобы отвоевать у соперника ту или иную землю. Половцы сами то и дело совершали набеги на южные земли. В крупнейшем литературном памятнике XII века – «Слове о полку Игореве» эта ситуация описана горестно и лаконично: «Борьба князей с погаными прервалась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганные со всех сторон приходили с победами на землю Русскую»⁵.

Золотое, безмятежное младенчество русской литературы кончилось. Теперь ей предстоит осмыслить, что такое предательство, горе, страдание. Мир не пошатнулся, древнерусский человек не усомнился еще в мировой гармонии и Божьей справедливости – скорее, счел, что это наказание за грехи, и даже понятно за какие: жадность, своеволие, гордыню, желание славы, желание чужого добра. Говоря о нашествии врага, суздальский летописец замечает: «По грехам нашим, приидоша языци незнаеми...» А галицкий сравнивает пришедших врагов с ветхозаветными моавитянами – древним народом, который победил евреев, впавших в грех, и занял их земли.

Поражение – всегда наказание за грехи. А победа – это не мы победили, это Бог нам помог, потому что правда за нами.

Древнерусской литературе свойственно искать аналоги происходящему в Библии и объяснять библейскими примерами сегодняшние события. Мы видели, как летописцы искали аналогов крестителю Руси князю Владимиру среди апостолов, теперь видим, как современные летописцы события рассматриваются сквозь призму библейской истории.

У тогдашнего человека совсем другое представление о времени. Лучше всего это объяснить на примере празднования Пасхи: в православном христианстве этот праздник – не воспоминание о воскресении Христа, а само воскресение, которое совершается снова и снова, здесь и сейчас, и жизнь прямо сейчас побеждает смерть – отсюда и всеобъемлющая пасхальная

---

⁴ Перевод О. П. Лихачевой.

⁵ Перевод Д. С. Лихачева.

радость. Так и жизнь, которую проживают частные люди и народы, – это тоже часть всемирного цикла.

И люди в литературе ведут себя как положено части повторяющейся истории, вечно рассказываемой сказки: правильно играют свои роли, произносят положенные по роли слова. Повторяющиеся диалоги, эпитеты и характеристики – все это, кроме того, сближает древнерусскую литературу с фольклором.

Древнерусская литература совмещает почти несовместимое: попытку сохранять верность историческим фактам с приверженностью к прямолинейным библейским аналогиям, христианство с язычеством, фольклорную напевность с мастерски сплетенной книжной речью, нейтральность хрониста с лирической взволнованностью, стремление сохранять историческую дистанцию с острой наблюдательностью очевидца (так автор «Слова о полку Игореве» подмечает, как упоенное недолгой победой над половцами Игоревое войско швыряет в непроходимую грязь взятые у поверженного врага дорогие одежды, чтобы проехать по ним; так автор Киевской летописи, описывая сражение, рассказывает, что в тумане можно было видеть «только до конец копья»). Все это создает совершенно особый художественный мир, и мир этот не так уж легко постичь современному человеку.

Особняком, конечно, стоит «Слово о полку Игореве» с его огромной лирической и эпической мощью – несмотря на то, что рассказывает оно не о крупной военной победе, а о рядовом и неудачном походе не самого знаменитого князя. «Слово» не похоже на другие произведения древнерусской литературы с их четкой жанровой организацией: это не лирика и не эпос, не поэзия и не проза, не хроника и не воинская повесть – и в то же время это все вместе, сразу. Сюжетная канва повести – не главное для автора, отсюда и его забегания вперед и назад, отступления в сторону: для него неудачный поход Игоря Святославича – повод для горячей речи о самом главном: о судьбе Русской земли и населяющих ее людей. Может быть, она потому так и близка к фольклору, что именно фольклор позволял древнерусскому человеку делиться тревогой об ушедших на войну, оплакивать павших, восхищаться мужеством воинов: в фольклоре были былины, песни, плачи... И недавно народившаяся, только формирующаяся литература охотно черпала из этого источника то, чего ей, книжной, нравоучительной, умственной, недоставало: лирическую силу, яркую выразительность, певучесть.

Ведущим жанром в это время становится повесть: очень уж стремительно происходят события, очень о многом надо рассказать потомкам. Повести о конкретных исторических событиях обычно входят в состав летописей. Из исторической повести можно выделить особый жанр **воинской повести**. Ее предметом сначала становятся междоусобные распри князей, их походы на половцев, призывы к единению, затем, со второй трети XIII века, – борьба против ордынского владычества, за независимость Руси (привычное слуху название «татаро-монгольское иго» историки сейчас уже не считают корректным).

Как отмечал исследователь древнерусской литературы Олег Викторович Творогов, в XIII – начале XIV века развитие литературы замедляется. Замедляется и развитие культуры: больше не строят каменных соборов. Археологи находят в исторических слоях, соответствующих этому времени, следы многочисленных пожаров – и при этом культурный слой после пожаров беднее допожарного, а иногда на месте сожженного поселения уже ничего не появляется.

В литературе главенствует воинская повесть. В русские летописи времен ордынского владычества включаются повести, рассказывающие о главных событиях XIII–XV веков: «Повесть о битве при реке Калке», «Повесть о разорении Рязани ханом Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамыша» и др. Литература описывает разорение городов и истребление жителей, оплакивает убитых и горюет о погибающей родной земле. Одно из самых примечательных произведений этого времени – коротенький фрагмент утраченного большого текста «Слово о гибели русской земли после смерти великого князя Ярослава», необыкновенно живое и поэтическое описание Руси: «О, светло светлая и пре-

красно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»⁶.

Главной темой литературы становится патриотизм: прославление своей страны, ее воинства, ее князей, рассказ о подвигах, радость побед.

Воинская повесть пишется по строгим канонам. На Русь нападают враги – и может быть, это воздаяние за грехи. Откуда взялись враги – никто не понимает: «Придоша языци незнаеми, их же добре никтоже не вестъ, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племени суть, и что вера их», – говорит летописец, рассказывая о битве при Калке.

Затем русское войско собирается в поход, выступает, готовится к бою. Когда летописец описывает бой, он почти обязательно пользуется особыми стилистическими приемами и готовыми формулами («бысть сеча зла», например). Любимый прием – гипербола: в бою стрелы летят тучами и осыпаются дождем, кровь проливается реками, оружие трещит и ломается. В этих битвах появляются новые русские святые – князья-воины, жертвующие собой, страдающие, – они мученики, защитники христианской веры от «поганных» (язычников). Летописцы часто упоминают, как князья и войско молятся перед боем, как им являются знамения. Поражение в бою воспринимается как наказание за грехи, а победа – как свидетельство помощи свыше. Воинская повесть не всегда строго исторична: в ней многое определяется требованиями жанра – однако историческая основа, как правило, сохраняется.

Требования жанра с самого начала его существования были строгими. Воинские повести XI–XIII веков отличает стиль «монументального историзма» (термин Д. С. Лихачева): все события изображаются так, будто автор смотрит на них из колоссального отдаления во времени и пространстве – и замечает самое важное, величественное. Люди выглядят в них не как обычные живые люди, а как памятники. Д. С. Лихачев заметил: «Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно каменным барельефам владими́ро-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей»⁷.

Лихачев обратил внимание на то, что князья интересуют летописцев не как личности, а как люди, занимающие свой пост и исполняющие свой общественный долг: «Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному – дурная. Вот почему писатели XI–XIII вв. так часто и так много говорят о славе князя, о его общественном признании. Вот также почему литературный портрет князя всегда официален. Князь предстает перед читателем в «одеянии» своих действий. Он почти не раскрывается в своем внутреннем содержании. Летописец никогда не вступает в интимное общение с героем своего повествования, не входит в психологическое объяснение его поступков. Летописец – подданный и пишет о своем князе как подданный»⁸.

---

⁶ Перевод Л. А. Дмитриева.

⁷ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Гл. 2. Цит. по: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/ch3.htm>

⁸ Там же.

Открытие эмоций

В XIV веке укрепляется Московское княжество; оно ищет себе союзников среди других христианских стран. Русская церковь возобновила контакты с православными церквями других стран, стала связываться с византийскими, сербскими, болгарскими монастырями – и обнаружилось, что за время культурной изоляции Руси в богослужебных практиках разных православных церквей и в их правилах оформления книжных текстов накопились существенные различия. Митрополит Киприан, родом из болгар, старался добиться единообразия с южнославянскими христианами: при нем стали заново переводить богослужебные книги, а старые выправлять. Появились новые нормы оформления рукописей – новые правила орфографии, определенные знаки препинания (например, точки с запятой для обозначения паузы). Пришел в русскую литературу и новый стиль, который получил название «плетения словес», или «стиля второго южнославянского влияния» (первое южнославянское влияние пришлось на домонгольский период). Западная и Юго-Западная Русь при этом, скорее, ориентировались на западных славян и испытывали польское и чешское влияние.

Европа в это время была охвачена культурным подъемом, который у исследователей получил название Проторенессанса, или Предвозрождения. Русь, возвращаясь в европейскую культурную стихию, не могла не испытать его влияния. Д. С. Лихачев в своих исследованиях утверждает, что и русской культуре конца XIV–XV веков свойственны черты Предвозрождения (правда, не все исследователи древнерусской литературы с ним согласны). Что же это за черты? Прежде всего, это постепенная секуляризация культуры (обмирщение, отход от церкви), интерес к миру вокруг и к человеку, внимание к человеческим чувствам – по сути, открытие эмоциональной сферы.

Литература еще не умеет изображать характер: человек по-прежнему или хороший, или плохой, и то, хорош он или плох, определяется его личным выбором между грехом и святостью, добром и злом. Однако герои уже способны переживать сильные чувства: они радуются, печалются, льют слезы, влюбляются. Они перестают быть только условными фигурами: доблестный князь, добродетельная княгиня, воин, святой – в них просыпаются люди. Но о человеческих чувствах нельзя говорить величественным языком предыдущей эпохи – нужен новый язык, более гибкий, живой. Именно такую возможность дает стиль «плетения словес» – литературный слог, насыщенный внутренними аллитерациями и ассонансами, параллелизмами, повторами, переключкой однокоренных слов. Он дает возможность нагнетать и ослаблять напряжение, добиваться сильного эмоционального воздействия на читателя, особой музыкальности текста. Нельзя сказать, чтобы эти стилистические приемы не были знакомы древнерусской литературе раньше: некоторые исследователи находят приметы этого стиля, восходящего к византийской традиции красноречия, у домонгольских авторов – таких как Кирилл Туровский или митрополит Иларион; много образцов такого слога найдется и позднее, в XVII веке. Но своего расцвета этот стиль «плетения словес» достигает в творчестве авторов житий русских святых – Епифания Премудрого и Пахомия Логофета (Пахомия Серба).

Вот, например, отрывок из Жития Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым:

«Этот прекрасный и замечательный отрок еще некоторое время жил в доме родителей своих, мужая и укрепляясь в страхе Божьем: к детям играющим он не ходил и с ними не играл; бездельникам и суетным людям не внимал; со сквернословыми и насмешниками он совсем не общался. Он только лишь упражнялся в славословии Бога и тем наслаждался, в церкви Божьей

он прилежно стоял, на заутреню, и на литургию, и на вечерню всегда ходил и часто читал святые книги»⁹.

Епифаний Премудрый старался показать, что святой, о жизни которого он рассказывает, – особенный человек, не такой, как обычные земные люди, – а потому и язык повествования – тоже необычный, непохожий на бытовую речь; потому в тексте столько отсылок к библейским текстам: ведь надо показать, что речь идет о настоящем праведнике, таком же, как библейские праведники. Удивительное мастерство Епифаний демонстрирует в Житии Стефана Пермского – живом, узорчатом, одухотворенном:

«Помолясь Богу, раб Божий Стефан решил заложить по молитве святую Божию церковь. Таковая церковь была основана и поставлена, та, которую оградил он превеликой верою и теплотой безмерной любви, которую воздвиг чистой совестью, которую создал горячим желанием, которую украсил всяческими украшениями, «как невесту добрую и нарядную», которую наполнил всем, что должно быть в церкви, которую по завершении строительства освятил великим освящением, которую создал высокой и прекрасной, которую обустроил красиво и хорошо, которую украсил вправду чудно и дивно»¹⁰.

Епифаний Премудрый часто задается вопросом: а сможет ли он, обычный человек (он пишет о себе: «умом груб и не владею словом, имею худой разум и помраченного ума помысел, не бывал я в Афинах в юности и не учился у их философов ни ораторскому плетению словес, ни витийским изречениям, ни Платоновых, ни Аристотелевых рассуждений не познал, ни философии, ни риторике не обучился, а попросту весь совершенно исполнен смятения»), выразить все величие святости своего героя. Поэтому он старается говорить не только о событиях, но и том впечатлении, которое события произвели на всех окружающих героя – и на самого автора. Поэтому его жития отличаются небывалой экспрессией: в них все преувеличено огромно, ужасно, грандиозно, прекрасно, необыкновенно.

На тех же принципах построено историческое повествование в «Русском Хронографе» (XV век; по другим данным – XVI век) – сборнике новелл на сюжеты из всемирной истории – от Сотворения мира до падения Константинополя в 1453 году. В отличие от летописей, цель которых – задокументировать исторические события, цель «Хронографа» – дать читателю **занимательное и поучительное чтение**. Д. С. Лихачев пишет: «Вся мировая история в изложении «Хронографа» – цепь нравоучительных историй, рисующих неслыханные злодеяния, невероятные подвиги благочестия, мученичество праведных и преступления нечестивых»¹¹. Автор стремится впечатлить читателя, чтобы он лил слезы умиления и сострадания – или чтобы от ужаса у него шевелились волосы на голове: «Самого же Максимиана Галерия Божий гнев постиг: пламя разгорелось в утробе его и в мозге, причиняя ему нестерпимую боль; он, окаянный, будто пекся на сковороде. Глаза у него выскочили, плоть его сгнила и от безмерного воспаления отпала от костей, вся кишашая червями. И, громко возопив: «Из-за христиан, которых замучил, так страдаю!», – он изверг свою скверную душу.»¹².

Повествование сопровождается эмоциональными авторскими восклицаниями и отступлениями: «О горе!» – или «О злато, гонитель и мучитель прегордый, разоритель городов! О злато, делаешь ты мягкими жестоких, а слабых ожесточаешь, язык развязываешь молчаливым, а разговорчивым заключаешь уста, блеском своим манишь сердца к желаниям, словно камни делаешь мягкими! Кто всемогущей твоей крепости может избежать?»¹³

⁹ Перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина.

¹⁰ Перевод Е. Г. Водолазкина, Н. Ф. Дробленковой, Л. С. Шепелевой.

¹¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1987. Гл. 4.

¹² Перевод автора. Цит. по: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф ред. 1512 г. СПб., 1911. (Полн. собр. рус. летописей; Т. 22, С. 267). <https://www.prlib.ru/item/692552>, С. 281.

¹³ Перевод О. В. Творогова. Цит. по: Творогов О. В. Хронографы Древней Руси. <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?>

Каждая новелла заканчивается моралью, например: «Так воздаст Бог обидчикам!»

Персонажи «Хронографа» по-прежнему или добры, или злы – но автор старается каждого из них охарактеризовать по-своему, для каждого подобрать точное определение: «Он был злого нрава, человекоубийца, раб злата, златолюбец, лют, сквернослов» или «хорош собой, ...терпелив и храбр, благоумен». В летописях, как замечает Д.С. Лихачев, не встречается такого нагромождения эпитетов – но в летописях и нет такого стремления к психологизму, авторы летописей вообще скупы на эмоции, стремятся к объективному изложению событий. А повествование «Хронографа» – субъективное, эмоциональное, возвышенное. Отсюда уже не так далеко до открытия характера.

Новое открытие мира

С середины XIV века жители Руси снова могут совершать паломничества и путешествия. Хождениям в Царьград посвящены «Сказание о святых местах о Костянтиненграде» (вероятно, созданное новгородским архиепископом Василием), «Беседа о святынях Царьграда» (автор неизвестен), «Сказание о Царьграде». Мирянин Стефан Новгородец («От странника Стефанова Новгородца») рассказывает читателям не только о святых местах, но и о самом городе – его дворцах, храмах, статуях, гавани – это практически путеводитель по городу: «Тут же дворец, который называется «Палата правоверного царя Константина»; стены, окружающие его, очень высоки, выше городских стен; он так велик, что подобен городу, стоит подле ипподрома, недалеко от моря. Тут вблизи монастырь Сергия и Вакха, и мы приложились к головам их. То все идет посолонь, возле моря, если идти, придерживаясь по левую руку от городской стены. Если от ипподрома пойти мимо Кандоскамии, то здесь есть городские ворота – железные, решетчатые, очень большие; этими воротами море введено внутрь города. И на тот случай, если приходит враг с моря, здесь держат корабли и гребные суда, числом до трехсот...»¹⁴.

В середине XV века один из участников русской церковной делегации, возглавляемой митрополитом Исидором, описал свои впечатления от Рима и Флоренции («Хождение во Флорентийский собор», или «Дневник путешествия Исидора в Западную Европу» и примыкающая к нему «Заметка о Риме»). Автор, имя которого неизвестно, – по-видимому, светский человек, – с интересом описал европейские города с фонтанами, соборами, водопроводом, водяными мельницами; он рассказал даже об изготовлении шелка из коконов шелковичных червей.

Самое известное «хождение» XV века – «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, тверского купца, который четыре года провел вдали от родины и обошел Персию и Индию. Афанасий Никитин – не монах, не праведник, он не поклоняться святыням отправился, а торговать; в кораблекрушении он потерял все взятые в долг товары и не мог вернуться на родину с пустыми руками, чтобы его не посадили в долговую яму. В чужих краях он бесконечно тосковал по родине, сбился со счета дней и не мог больше соблюдать посты и отмечать праздники, о чем очень сокрушался. Он подробно рассказывает о чужих странах – их климате, городах, общественном и экономическом устройстве. Подробно говорит, как люди выглядят, как одеты, причесаны, какие обычаи соблюдают, что едят. Слог его прост и скуп: «Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок»¹⁵.

Так для русского читателя открывается огромный мир с его культурами, верованиями, обычаями. А Русь остается самой лучшей страной, хотя «эмиры Русской земли несправедливы», как горько заметил Афанасий Никитин¹⁶.

---

¹⁴ Перевод Л. А. Дмитриева.

¹⁵ Перевод Л. С. Семенова.

¹⁶ Этот фрагмент «Хождения» написан на тюркском языке.

Вместо Возрождения

Русское Предвозрождение, однако, не привело к Возрождению. В Западной Европе продолжается процесс секуляризации культуры, появляются все новые жанры светской литературы, возрастает интерес к античному наследию. На Руси, однако, происходят совсем другие процессы: укрепляется роль церкви, она фактически сливается с государством, и на государственном уровне провозглашается концепция **«Москва – Третий Рим»**.

В 1453 году пал Константинополь, оплот восточного христианства. Старец Филофей из псковского Елеазарова монастыря провозгласил, что в мире все совершается по воле Божьей и Господь выбирает те народы, которым суждено исполнять Его волю: вся история человечества есть история сменяющих друг друга царств. Три царства должны сменить друг друга, а затем будет Страшный суд. Первое царство – Римская империя, «ветхий Рим». Второе – «новый Рим», то есть Константинополь. Оба они пали из-за их грехов, и пришло время «последнего Рима», то есть Москвы, которая теперь хранит традиции православного благочестия: «Первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать».

Утверждению этой идеи на государственном уровне способствовали и политические события: при Иване III Русь освободилась от власти Золотой Орды; великому князю удалось объединить мелкие удельные княжества в Московское государство. Он женился на Софье Палеолог, племяннице и наследнице последнего византийского императора Константина XI, погибшего при падении Константинополя, и воспринимался как полноправный его преемник; византийский двуглавый орел к концу XV века стал символом Московского государства, а великий князь стал именоваться царем. Все эти изменения в политической и религиозной жизни отражаются на литературе: у нее теперь есть важная идеологическая задача.

По наблюдению О. В. Творогова, из монастырских библиотек в XV веке практически пропадают книги светского содержания, не делают новых копий тех сочинений, у которых нет практического предназначения: больше не переписывают «Сербскую Александрию», «Сказание об Индийском царстве». Зато ведущую роль получают такие жанры, как жития, хроники и исторические повести. Кроме того, расцветает **публицистика**. Прессы еще нет, поэтому главный публицистический жанр – это послание.

Главный публицист эпохи – сам царь Иван Грозный. В ожесточенной полемике с политическим эмигрантом князем Андреем Курбским он обсуждает вопросы управления государством: царь отстаивает идею самодержавия, Курбский – идею ограничения монаршей власти, подотчетности монарха «синклиту» знати. Иван Грозный пишет, что бояре пытаются похитить царскую власть. Он то высокопарен, то груб, он раздражается и иронизирует; возвышенная риторика сочетается в его текстах с площадной бранью; Андрей Курбский это замечает и пеняет царю на недостойную его грубость. Для его собственного стиля характерно чувство меры, ясность, лаконизм, логичность изложения (они особенно заметны в сравнении с огромными, хаотичными, бурными посланиями царя).

Примерно ту же стилистическую разницу можно наблюдать в полемике Иосифа Волоцкого и Нила Сорского по поводу монастырских земель и имущества. Нил Сорский, представитель заволжских старцев-нестяжателей, считает, что монахи должны жить не в монастырях, владеющих землей и имуществом, а в скитах; Иосиф Волоцкий защищает монастыри. Иосиф Волоцкий отстаивает суровую монастырскую дисциплину, Нил Сорский говорит, что монахи должны сами соразмерять, кто сколько вынесет «поста, трудов и молитвы». Иосиф Волоцкий предлагает казнить еретиков, Нил Сорский – убеждать их и молиться за них. Стилистика Иосифа Волоцкого сочетает высокий пафос и грубые, разговорные обороты, некоторое нарушение логики; стилистика Нила Сорского – более книжная; он умело пользуется риторическими приемами, его тексты стройнее, короче, яснее.

Пожалуй, стоит напомнить, что в политике победа осталась за Иваном Грозным, в церкви – за Иосифом Волоцким; это определило, в каком направлении будет развиваться общество – и литература. Оба непримиримых оппонента, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, были канонизированы в лике преподобных, а итогом дискуссии о ересь стало появление полного свода книг Ветхого и Нового Заветов в переводе на церковнославянский язык – «Геннадьевская Библия»; до сих пор на Руси не было полного перевода библейских книг. Архиепископ Новгородский Геннадий организовал поиски по монастырским библиотекам переводов всех библейских книг; недостающие книги были переведены впервые.

Для литературы XVI века в целом характерны огромные, **фундаментальные труды**: это не только создание полной Библии, но и «Степенная книга» – сборник биографий всех выдающихся людей в русской истории, и «Русский хронограф» – изложение всей мировой истории, и «Домострой» – полное руководство по обустройству дома, своего рода маленького домашнего царства с благочестивым хозяином во главе, с советами во всех областях жизни – от того, как ходить в храм и молиться Богу, до того, как квасить капусту и хранить обрезки тканей, как воспитывать чад и руководить домочадцами. Это и колоссальные по замыслу Великие Четьи-Минеи митрополита Макария.

Митрополит Макарий еще в бытность архиепископом задумал собрать воедино «все книги четьи», предпочтительно «святые». В итоге появились двенадцать томов (по числу месяцев) – сборники душеполезного чтения на каждый день, включающие библейские тексты, жития святых, патерики, творения Отцов Церкви и т. п. Специально для Четьих-Миней были написаны новые жития русских святых, в том числе Житие Петра и Февронии Муромских, созданное иноком Ермолаем-Еразмом. Оно, однако, не вошло в состав сборника, поскольку очень далеко по форме и содержанию от канонического жития.

Это нежная, поэтичная повесть, которая по своему духу принадлежит к предыдущей эпохе – Предвозрождению: здесь и вымысел, и сказочность, и занимательность, и элементы фольклора, и внимание к душевным движениям героев. И живые детали – чего стоит одна подробность: Феврония в конце повести хочет закончить вышивку, а Петр зовет ее умирать вместе и не может повременить; Феврония втыкает иголку в недошитую работу и хозяйственно обвивает ее ниткой – чтобы не выпала, чтобы кто-то мог закончить эту работу, а после спокойно отправляется умирать, завершив свой земной путь.

Конечно, сказочная история с премудрой девой, волшебным мечом, летающим змеем никак не могла стать каноническим житием. Зато она стала лучшим литературным произведением сурового, кровавого века, где и государство, и церковь больше всего заняты укреплением собственной власти. Очень скоро от этого тщательно выстроенного могущества не останется и следа: страну ожидает Смутное время, церковь ждет раскол. А литературу – рывок в будущее.

XVII век: сложный человек в сложном мире

Я – личность

XVII век в истории России выдался нелегким: это «Смутное время», «бунташный век» – время голода и бедствий, восстаний, войн, борьбы за престол, время крушения старых династий и появления новых.

Человек больше не чувствует себя в безопасности. Жизнь перестала быть понятной и предсказуемой. Трудно надеяться на «тихое безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте», как православные христиане просят во время сугубой ектеньи, молитвенного последования на богослужении: ведь даже самый благочестивый образ жизни не страхует от голода, разорения, злодейского навета.

Раньше мир был понятен и разумно устроен – почти как пирамида: сверху царь, под ним бояре и дворяне, купцы и ремесленники, ниже всех крестьяне; каждый на своем месте, каждый выполняет свои обязанности, каждый ожидает воздаяния если не в земной жизни, то в загробной.

Сейчас мир перевернулся. Брат восстает на брата, слуга на господина, царедворец на царя – и наверху социальной пирамиды оказывается не самый достойный, не самый благочестивый, а самый деятельный, самый быстрый, самый предприимчивый. Время выдвигает новых героев – активных, динамичных, способных быстро принимать решения. Время заставляет сомневаться в аксиомах, оспаривать неколебимые прежде истины. Время заставляет задуматься: кто я такой, чего я хочу. И литература открывает для себя человеческую личность с ее ценностями, стремлениями, изменчивостью. Это особенность возрожденческой культуры – осознание человеческой самости и человеческой сложности; вряд ли можно говорить о Возрождении применительно к русской литературе и культуре, Возрождения в России как такового не было, хотя некоторые исследователи находят в культуре отдельные его элементы – но ренессансный ветер уже начинает веять.

Литературный герой становится сложнее: он уже не просто праведник или грешник, черный или белый, – он разный; особенно ясно это видно в изображении исторических персонажей в хрониках: особенно неоднозначным оказывается в изображении современников-хроникеров Борис Годунов.

Литература выходит из детского возраста. Ее герой покидает понятный, предсказуемый мир детской – и оказывается в сложном, огромном и несправедливом мире. Он стоит один на метафизическом ветру. Шатаются представления о добре и зле, справедливом воздаянии за грех – вообще сами основы жизни. Жить в мире тревожно и страшно, никакие добродетели, никакое соблюдение правил не гарантируют покоя, достатка, счастья. И в книгах ответа не найти. Анонимный автор «Плача о конечном разорении Московского царства» так и пишет: «И ни едина книга богословец, ниже жития святых, и ни философския, ни царьственныя книги, ни гранографы, ни историки, ни прочия повестныя книги не произнесоша нам такового наказания ни на едину монархию, ниже на царства и княжения, еже случися над превысочайшею Россиею» – то есть ни одна книга не расскажет, почему беда случилась с нашей страной.

В литературе появляется ощущение отчаяния, одиночества, кризиса; появляется горький смех и сарказм. Кроме того, в ней появляется **вымысел**: задача литературного произведения – не только наставить в вере, научить, передать сведения, но и развлечь: чтение становится не только способом научиться чему-то, но и способом провести досуг с удовольствием.

Литературный **герой** перестает быть высоким образцом доблести и святости – он приближается к читателю, становится **обычным человеком**, который переживает и приключе-

ния, и злоключения, и взлеты, и падения. Даже в житиях теперь совсем новые герои: например, рассказы о местночтимых святых, которые, конечно, почитались и раньше, теперь изобилуют конкретными биографическими подробностями, и не всегда однозначно комплиментарными (например, в Житии Трифона Вятского рассказывается, как он расчищал лес под пашни и нечаянно сжег три тысячи сажен дров для солеварен промышленника Строганова, отчего Строганов согнал его со своей земли; как он поселился в Успенском монастыре, но и оттуда его изгнали, потому что он возмущался тем, что монахи пьянствуют и устраивают пиры для мирян). **Жития** все больше отходят от древнего канона и все больше становятся похожи на биографические повести, их герои – на живых людей, каждый со своим характером. Особенно характерно Житие Ульянии Осорьбиной (Юлиании Лазаревской – по названию села Лазаревское, где она жила), героиней которого становится не мученица, не царица, не монахиня, а обычная добрая и благочестивая женщина, жена и мать, которая в своей обычной жизни ведет себя по-христиански – например, в голодный год тратит все свое состояние на то, чтобы ежедневно кормить голодных.

Самое выдающееся житие XVII века – автобиографическое повествование протопопа Аввакума Петрова, старообрядца, сосланного и впоследствии сожженного на костре (казнили его после того, как он написал резкое письмо царю Федору Алексеевичу, в котором критиковал его отца, Алексея Михайловича, и патриарха Иоакима). Протопоп дерзко назвал свое жизнеописание «житием», ставя себя в один ряд с апостолами, мучениками и исповедниками христианской веры. «Житие протопопа Аввакума» – одновременно и книжный текст, написанный священником, полемизирующим с оппонентами об основах вероучения, и живая история жизни обычного человека, рассказанная разговорным русским языком – иногда грубым, иногда возвышенным, но всегда сочным и выразительным. Протопоп повествует о том, как боролся против реформы патриарха Никона, как был сослан на Дальний Восток, а потом заключен в земляную тюрьму в Пустоозерске.

Русская литература пока еще не видела ничего подобного: в нее врывается мощная, яркая, сложная личность с исключительным характером, которая подвергается страшным испытаниям. Протопоп – человек невероятной духовной и физической силы: прогоняя скомохов, к примеру (зачем он их прогонял – читайте ниже в главке, посвященной театру), он отнял у них двух медведей, одного из которых зашиб, а другого отпустил. Его много били до полусмерти, и он всякий раз отлеживался. На исповеди, слушая рассказ девицы о блудных грехах, почувствовал, что разжигается к ней страстью – и поэтому положил руку на свечу и держал ее на огне, слушая исповедь, чтобы отвлечься от грешных мыслей.

В «Житии протопопа Аввакума» история старообрядчества переплетается с трогательной семейной историей, с впечатляющими картинками русской жизни – со всеми подробностями. Невозможно забыть поразительный диалог протопопа с исстрадавшейся протопопицей, упавшей и придавленной другим таким же несчастным: «Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: “долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самых смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “добро, Петрович, ино еще побредем”».

Протопоп великодушен: он не проклинает, а жалеет своих мучителей, даже как-то ласково называет их дурачками («Что собачка, в соломе лежу: коли накормят, коли нет, мышей много было, я их скуфьею бил, – и батожка не дадут дурачки!»). О воеводе Пашкове, главном своем гонителе, писал: «Десеть лет он меня мучил или я его – не знаю; Бог разберет в день века».

Он рассказывает и страшные истории о том, как его били, как один из его врагов ему в ярости два пальца отгрыз. Но рассказывает и трогательную историю о черной курочке, которая каждый день приносила семье по два яйца – и дети не умерли с голоду, пока брели по этапу. И тяжкие подробности ненужных мучений, которым подвергали самого протопопа и его семью. И восторженно описывает Шаманский порог на Ангаре, к которому пришел пешком –

измученный, еле живой – и не смог не восхититься: «Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы¹⁷, и лебеди, и иные дикие – многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя!»

Надо сказать, что именно в XVII веке в литературе появляется та самая – неизвестная прежде Россия: южное море и северное море, Урал, Сибирь, Забайкалье – только что присоединенные, еще не совсем освоенные; именно тогда становится понятно, какая это огромная страна, сколько народу ее населяет. Именно сейчас за перо берутся жители во всех концах этой большой страны. Все только начинается.

---

¹⁷ Баба – пеликан.

В новом сложном мире

Литература **секуляризуется** – обмирщается, становится светской; читателю важно получить не столько наставления к добродетельной жизни, сколько ориентиры в изменившемся мире.

Христианский мир, частью которого была Россия, тоже переживал тяжелый кризис. Распалось прежнее окружение, в котором существовала древнерусская культура, ориентированная на Византию и южнославянские страны. Византийская империя прекратила свое существование после падения Константинополя, Османская империя подмяла под себя земли, ранее принадлежавшие близким по культуре и вере народам. Выбор, который стоял перед Русским государством, был, по сути, цивилизационным: либо претендовать на центральную роль в христианском мире в духе концепции «Москва – Третий Рим», либо отстаивать свою культурную самобытность и древние традиции, не претендуя на религиозное господство, либо идти на сближение с Европой. В XVII веке Русское государство было вынуждено обратить взгляд на своих ближайших западных соседей – на Украину, Белоруссию и католическую Польшу. Этот выбор стал практически неизбежным после перехода под российский протекторат Левобережной Украины, пронизанной польским культурным влиянием. Именно **новой ориентацией на Европу** через украинско-польское посредничество определяется многое в русской культуре XVII века.

До сих пор литература – за редким исключением – была неторопливым, спокойным монашеским занятием. Монахи поучали, вели хроники, повествовали об исторических событиях – и голос автора мог быть голосом взволнованным, но смотрел этот автор на происходящее с точки зрения вечности, с некоторой дистанции. Даже тексты о непосредственном опыте автора содержали обильные отсылки к Священному Писанию, задумывались не только для того, чтобы рассказать о чем-то, но и воспитать, просветить евангельским светом.

В XVII веке за перо берутся все, у кого есть насущная необходимость что-то прямо сказать читателю, – в этом веке едва ли не каждое сословие рождает своих писателей. Прессы еще нет – а стремление убедить, привлечь на свою сторону, разумеется, есть: век потрясений, бунтов и самозванцев требует постоянного поиска союзников и сторонников, объяснения сложных ситуаций, призывов к действиям. Автор ведет прямой разговор с читателем в своих грамотах. Так рождается **публицистика XVII века**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.